

Первая Русская Туркестанская экспедиция С.Ф. Ольденбурга (1909—1910)

И.Ф. Попова

Инициатором и вдохновителем экспедиции был выдающийся индолог Сергей Федорович Ольденбург (1863—1934). Он окончил Петербургский университет в 1885 г., с 1889 г. начал преподавательскую работу на факультете восточных языков, в 1894 г. получил звание профессора. В 1900 г. он был избран академиком, исполнял должности неперменного секретаря Академии наук в 1904—1929 гг. и директора Азиатского музея — Института востоковедения в 1916—1934 гг. Предметом исследований С.Ф. Ольденбурга была история культуры и религии Индии и Центральной Азии, история буддийского искусства, фольклор и искусство народов Востока. Получив в 1891 г. от Н.Ф. Петровского фрагменты рукописей, С.Ф. Ольденбург сразу же занялся их изучением и в 1892 г. ходатайствовал перед Петербургским университетом и Академией наук о командировке в Восточный Туркестан. По сообщению Е.Г. Ольденбург, «факультет восточных языков просил Правление Университета возбудить ходатайство о командировании приват-доцента С.Ф. Ольденбурга в Китайский Туркестан на срок с 1-го мая по 1-ое ноября 1893 г. В свою очередь академик] В.Р. Розен просил Академию наук оказать содействие в виде субсидии командированному в Кашгар летом 1893 г. приват-доценту С.Ф. Ольденбургу. <...> Экспедиция эта не состоялась, так как Н.Ф. Петровский находил, что лучше ее временно отложить»¹. С.Ф. Ольденбург продолжил работу над рукописями, опубликовав в «Записках Восточного отделения Русского Археологического общества» в 1893—1894 гг. ряд статей². В дальнейшем ни одна находка рукописных памятников в Восточном Туркестане не оставалась вне его поля зрения, регулярно выходили его работы по исследованию древних языков.

S.F. Oldenburg's First Russian Turkestan Expedition (1909—1910)

I.F. Popova

The expedition was inspired and initiated by the outstanding Indologist Sergei Fyodorovich Oldenburg (1863—1934). A graduate of St. Petersburg University (1885), he began teaching at the Faculty of Oriental Languages of the same university in 1889, gaining the title of Professor in 1894. In 1900 he was elected Member of the Russian Academy of Sciences, held the posts of the Academy's Permanent Secretary (1904—29) and of the Director of the Asiatic Museum, later the Institute of Oriental Studies (1916—34). S.F. Oldenburg's field of research ranged from the history and religion of India and Central Asia and the history of Buddhist art to the folklore and arts of the peoples of the East. When, in 1891, he received from N.F. Petrovsky some fragments of manuscripts, S.F. Oldenburg immediately set to work studying them and in 1892 he submitted an application to St. Petersburg University and the Academy of Sciences asking to be sent to Eastern Turkestan for field research. As reported by E.G. Oldenburg, “the Faculty of Oriental Languages requested the University Board to initiate a secondment for Private-Doцент S.F. Oldenburg to work in Chinese Turkestan from 1 May to 1 November 1893. Academician V.R. Rozen also asked the Academy of Sciences to give assistance in the form of a subsidy to Private-Doцент S.F. Oldenburg sent to work in Kashgar in the summer of 1893... The expedition never took place because N.F. Petrovsky was of the opinion that it had better be postponed”¹. S.F. Oldenburg continued his work with the manuscripts, publishing a number of articles on them in *Proceedings of the Oriental Branch of the Russian Archaeological Society*.² Subsequently, not a single new find of written monuments in Eastern Turkestan ever escaped his field of vision, and S.F. Oldenburg regularly published works investigating the ancient tongues.

¹ ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 1, ед. хр. 167. Л. 2.

² Ольденбург С.Ф. Кашгарская рукопись Н.Ф. Петровского // ЗВОРАО. Т. 7 (1892), 1893. С. 81—82; Ольденбург С.Ф. Еще по поводу кашгарских буддийских текстов // ЗВОРАО. Т. 8 (1893—1894), 1894. С. 349—351; Ольденбург С.Ф. К кашгарским буддийским текстам // ЗВОРАО. Т. 8 (1893—1894), 1894. С. 151—153; Ольденбург С.Ф. Отрывки кашгарских санскритских рукописей из собрания Н.Ф. Петровского // ЗВОРАО. Т. 8 (1893—1894), 1894. С. 47—67.

¹ PBA RAS. Fond 208. Inv. 1, unit 167, f. 2.

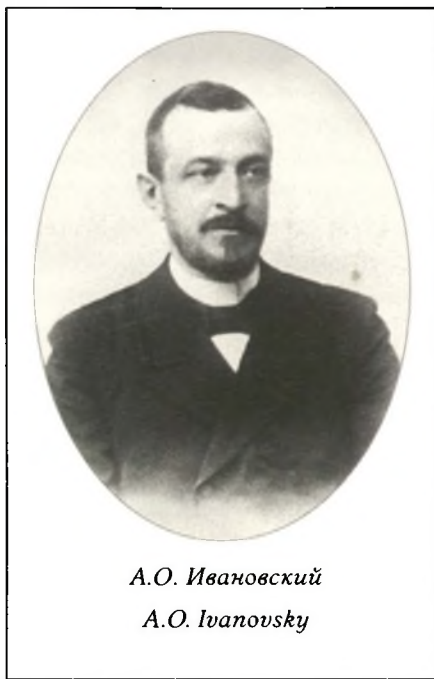
² Oldenburg, S.F. “N.F. Petrovsky's Kashgar Manuscript.” *POBRAS*. Vol. 7 (1892), 1893, pp. 81—82; Oldenburg, S.F. “More about the Kashgar Buddhist Texts.” *POBRAS*. Vol. 8 (1893—94), 1894, pp. 349—351; Oldenburg, S.F. “On the Kashgar Buddhist Texts.” *POBRAS*. Vol. 8 (1893—94), 1894, pp. 151—153; Oldenburg, S.F. “Extracts from the Kashgar Manuscripts in Sanskrit from the Collection of N.F. Petrovsky.” *POBRAS*. Vol. 8 (1893—94), 1894, pp. 47—67.

Говоря о своих предшественниках в исследовании Восточного Туркестана, С.Ф. Ольденбург особенно выделял Н.Ф. Петровского и А.Э. Регеля. О значении деятельности Н.Ф. Петровского С.Ф. Ольденбург написал так: «Имя Н.Ф. Петровского будет чтиться в науке как имя человека, впервые сделавшего доступным для науки памятники этого любопытнейшего культурного прошлого, где сошлись в самом тесном взаимодействии три культуры: греческая, индийская и китайская, где мы, вероятно, со временем найдем следы взаимодействия миров христианского и буддийского и где есть несомненные следы иранского влияния»³. Ботаник А.Э. Регель был первым, кто в 1879 г. доставил в Россию сведения о памятниках Идикут-шари и Туяк-мазара и дал их схематическое описание, хотя, по признанию С.М. Дудина, на сообщение Регеля в свое время «не было обращено почти никакого внимания»⁴.

Когда в 1895 г. В.И. Роборовский и П.К. Козлов доставили в РГО рукописи из своего путешествия в Восточный Туркестан, С.Ф. Ольденбург вместе с китаистом Алексеем Осиповичем Ивановским (1863—1903) приступил к их обработке. Академия наук создала особую Комиссию для разработки археологических коллекций Китайского Туркестана, которую возглавил академик В.В. Радлов, а С.Ф. Ольденбург состоял ее приглашенным членом. В 1898 г. Комиссия направила в Турфан экспедицию под руководством хранителя Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) Д.А. Клеменца: «С.Ф. Ольденбург принимал самое горячее участие в разработке плана экспедиции Д.А. Клеменца и даже предполагал сам принять в ней участие, но болезнь его сына помешала осуществлению этого желания»⁵.

При всей значимости результатов экспедиция Д.А. Клеменца была краткосрочной и носила разведочный характер, и РАО стало хлопотать об организации новой, долговременной экспедиции в Восточный Туркестан.

27 января 1900 г. на заседании Восточного отделения РАО была обсуждена составленная Н.И. Веселовским, Д.А. Клеменцем и С.Ф. Ольденбургом «Записка о снаряжении экспедиции с археологической целью в бассейн Тарима». Авторы указывали, что случайные находки всех недав-

А.О. Ивановский

A.O. Ivanovsky

As for his predecessors in the study of Eastern Turkestan, S.F. Oldenburg appreciated especially highly N.F. Petrovsky and A.E. Regel. This is what he wrote about the significance of N.F. Petrovsky's work: "The name of N.F. Petrovsky will be revered in science as the name of the first one who made available to scholarship the relics of the most interesting cultural past that entwined in very close interrelations three great cultures: those of Greece, India and China; with time, we are likely to discover there traces of interaction between the Christian and Buddhist worlds, as well as undoubted signs of Iranian influence."³ The botanist A.E. Regel was the first to bring to Russia, in 1879, some information about the monuments of Idikutshari and Toyuq-Mazar and provide their rough description. However, as S.M. Dudin admits, "at that

time practically no notice was taken of Regel's report."⁴

In 1895, when V.I. Roborovsky and P.K. Kozlov brought to the Geographic Society the manuscripts from their journey to Eastern Turkestan, S.F. Oldenburg, together with the Sinologist Aleksei Osipovich Ivanovsky (1863—1903), began their preliminary study. The Academy of Sciences set up a special Committee to work on the archaeological collections from Chinese Turkestan; the Committee was headed by Academician V.V. Radloff and included S.F. Oldenburg as an associate member.

In 1898 the Committee sent to Turfan an expedition headed by D.A. Klementz, curator in the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera): "S.F. Oldenburg enthusiastically participated in the planning of D.A. Klementz's expedition and even intended to take his own part in it, but his son's illness prevented him from realizing his wish."⁵

For all its significant results, D.A. Klementz's expedition was a short-term one and was a kind of reconnaissance; therefore the Russian Archaeological Society began rallying support for a new, long-term expedition to Turkestan.

On 27 January 1900 the session of the Oriental Branch of the RAS discussed a proposal entitled *Note on the Organization of an Expedition to the Tarim Basin for Archaeological Purposes*, written by N.I. Veselovsky, D.A. Klementz and S.F. Oldenburg. The proposers pointed out that the haphazard

³ Ольденбург С.Ф. Исследование памятников старинных культур Китайского Туркестана // ЖМНП. Ч. 353. 1904, № 6. Отд. II. С. 369.

⁴ Дудин С.М. Архитектурные памятники Китайского Туркестана // Архитектурно-художественный еженедельник. 1916, № 6. С. 75.

⁵ ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 1, ед. хр. 167. Л. 3.

³ Oldenburg, S.F. "Study of Monuments of Ancient Cultures of Chinese Turkestan." *JMPE*. Part 353 (1904). No 6, section II, p. 369.

⁴ Dudin, S.M. "Architectural Monuments of Chinese Turkestan." *Architecture- & Art Weekly*, No 6 (1916), p. 75.

⁵ PBA RAS. Fond 208. Inv. 1, unit 167, f. 3.

них экспедиций в регион свидетельствуют «не только о древней высокой культуре края, но и о разнообразии культурных влияний, некогда господствовавших здесь». Между тем активное хозяйственное освоение Восточного Туркестана уже привело к гибели многих памятников. Разъясняя эту ситуацию, авторы писали: «И теперь мы видим уже, что целый ряд памятников исчез для науки безвозвратно. В Турфане местные обитатели познали опытом, что штукатурка древних пещер в истолченном виде представляет прекрасное удобрение. Целый ряд пещер и храмов теперь уже ободраны. Отдельные лоскутки сохранившейся штукатурки дают понять, что здесь погибли целые сокровища древней живописи и письменности»⁶.

Весь Восточный Тянь-Шань и весь бассейн Тарима представлял значительный археологический интерес, однако авторы «Записки...» в связи с «громоздкостью задачи» предложили исключить из круга предстоящих работ некоторые территории. Из списка обследуемых в первую очередь территорий предлагалось исключить обширный район к западу от Кучи и Хотана, вплоть до Кашгара, а также «треугольник, лежащий между Кашгаром, Хотаном и Лехом», поскольку здесь уже вел активную собирательскую работу Н.Ф. Петровский⁷. В местности от Хотана до Дуньхуана также пока не предполагалось вести крупномасштабных экспедиций. Все внимание предлагалось сосредоточить на Турфанском округе от города Токсуна на западе до Пичана на востоке, от склонов Тянь-Шаня на севере до гор Чолтага и Куруктага на юге, а также на Кучинском округе до его западных границ от предгорий Тянь-Шаня на севере до оз. Бабакуль и местечка Шахьяр на юге.

По плану РАО предполагалось организовать две последовательно работающие в Восточном Туркестане экспедиции. Первая могла бы обследовать районы Турфана и Кучи, вторая — обширную территорию от Турфана до Хотана, включая местность близ оз. Лопнор и оазисы Черчен и Керия. Экспедиции должны были состоять из пяти человек, в том числе обязательно одного художника. Срок работы первой предполагался 8—10 месяцев, второй — 12—15 месяцев. Для первой экспедиции была даже рассчитана смета в размере 17 тысяч рублей⁸.

В связи с тем, что средства для экспедиции изысканы не были, она состоялась только в 1909—1910 гг. За этот период в крае побывал целый ряд иностранных экспедиций, и первым, кто воспользовался результатами работы

findings of all the recent expeditions to the region proved “not only the area’s ancient highly developed culture, but also the diversity of cultural influences once dominant here”. Meanwhile, the active economic development of Eastern Turkestan had already resulted in the loss of numerous monuments. Explaining the situation, the scholars remarked: “And now we can see that a large number of monuments have been lost for science irrevocably. In Turfan the local people discovered from experience that the stucco of the caves, crushed into powder, is an excellent fertilizer. A number of caves and temples have been stripped of it. The remaining patches of murals indicate that whole treasures of ancient paintings and manuscripts have perished there.”⁶

Archaeologically, the whole of the Eastern Tian Shan and the entire basin of the River Tarim were of considerable interest, yet the writers of the “Note” proposed that in view of the “vastness of the task”, certain areas should be omitted from the project. It was suggested to exclude in the first place the large area west of Kucha and Khotan up to Kashgar and the “triangle between Kashgar, Khotan and Leh” because N.F. Petrovsky had already carried out extensive collection work there.⁷ Nor was any large-scale expedition work proposed for the time being for the area between Khotan and Dunhuang. It was proposed to concentrate all the attention on the Turfan district, from the city of Toksun in the west up to Pichang in the east and from the slopes of the Tian Shan in the north up to the Chol-Tag and Kuruk-Tag Mountains in the south, as well as in the Kucha district up to its western borders from the feet of the Tian Shan in the north to Lake Baba-Kul and the settlement of Shakhyyar in the south.

In accordance with the Archaeological Society’s plan two expeditions should be consecutively working in Eastern Turkestan. The first one would explore the districts of Turfan and Kucha, the second expedition would cover the large territory between Turfan and Khotan, including the area adjoining Lake Lop Nor and the oases Cherchen and Keriya. The expeditions were supposed to consist of five members each, including an artist as a prerequisite.

The duration of the first expedition was to be 8 to 10 months, the second was supposed to work for 12 to 15 months. For the first expedition even an estimate was calculated — in the amount of 17 thousand roubles.⁸

As no funding for the expedition was secured, it did not take place until 1909—1910. Several foreign expeditions had visited

⁶ Веселовский Н.И., Клементц Д.А., Ольденбург С.Ф. Записка о снаряжении экспедиции с археологической целью в бассейн Тарима // ЗВОРАО. Т. 13 (1900). Вып. 1. СПб., 1901. С. 10.

⁷ Там же. С. 12.

⁸ Там же. С. 17.

⁶ Veselovsky, N.I., Klementz, D.A., Oldenburg, S.F. “Note on the Organization of an Expedition to the Tarim Basin for Archaeological Purposes.” *POBRAS*. Vol. 13 (1900). Issue. 1. Spb., 1901, p. 10.

⁷ *Ibid.*, p. 12.

⁸ *Ibid.*, p. 17.

Д.А. Клеменца, был немецкий индолог и специалист по буддийскому искусству А. Грюнведель. Маршрут его экспедиции в Турфан в 1902—1903 гг. был разработан после консультаций с В.В. Радловым, К.Г. Залеманом и Д.А. Клеменцем. Немецкая экспедиция обследовала ряд памятников в Турфане и Куче, уделив основное внимание изучению крепости Идикут-шари. Экспедицией был снят общий план городища, сделаны описания ряда строений, фотографии и кальки росписей. Кроме того, было добыто много рукописей и произведений искусства. Руководитель второй немецкой экспедиции Альберт фон Лекок также накануне отправки проконсультировался с русскими учеными в Санкт-Петербурге⁹. В течение года, с ноября 1904 г. по ноябрь 1905 г., А. Лекок вместе с Т. Бартусом работал в Турфане, продолжив, прежде всего, исследование Идикут-шари, где они обнаружили памятники манихейской культуры. Затем работы велись в храмовом комплексе Сенгима, где было найдено множество уйгурских рукописей, и в Безеклике. После этого А. Лекок и Т. Бартус проследовали в Кашгар, куда в декабре 1905 г. прибыла третья немецкая Турфанская экспедиция в составе А. Грюнведеля и Китаиста Г. Порты. Ученые обследовали буддийские памятники в Тумшуке, Кумтуре, Кызыле, Безеклике, побывали в Шикшине, Туюке, Хара-Ходжо, Карашаре. В июне 1907 г. работа второй и третьей немецких экспедиций была завершена.

Состоявшаяся 30 ноября (13 декабря) 1908 г. в Большом Царскосельском дворце выставка результатов экспедиций М.М. Березовского и других убедила правительство в необходимости снарядить большую экспедицию в Восточный Туркестан¹⁰.

К 1909 г., когда был решен вопрос о финансировании первой Русской Туркестанской экспедиции, был опубликован отчет только первой немецкой турфанской экспедиции А. Грюнведеля. Результаты работы А. Стейна, А. Лекока и П. Пеллио еще не были известны мировому научному сообществу. Поэтому С.Ф. Ольденбург считал, что его экспедиция носит разведывательный характер, ввиду того, что «в Санкт-Петербурге совершенно нельзя было решить вопрос о том, где именно вести систематическую работу»¹¹. При этом С.Ф. Ольденбург провел серьезную научную подготовку к поездке, собрал доступный ему иллюстративный и картографический материал. В его архиве сохранились фотографии, прорисовки, карты Кучинского уезда и Турфана, снятые его предшественниками в 1880—1890-е гг., в том

the area in the meantime and the first to make use of D.A. Klementz's work results was the German Indologist and specialist in the field of Buddhist art A. Grünwedel. The route of his expedition to Turfan in 1902—03 was worked out after consultations with V.V. Radloff, C.G. Salemann and D.A. Klementz. The German expedition studied several monuments in Turfan and Kucha, paying most of their attention to the Idikutshari fortress. The expedition made a general plan of the site, provided descriptions of a number of structures and produced photographs and tracing-paper copies of the painted decorations. Besides, the exhibition obtained a large number of manuscripts and art works. The head of the second German expedition Albert von Le Coq also consulted the Russian scholars in St. Petersburg before departure.⁹ For a year, from November 1904 to November 1905, A. Le Coq and T. Bartus worked in Turfan. To begin with, he continued exploring Idikutshari, where he discovered monuments of Manichaean culture. Then they worked in the temple complex of Sängim, where they found a great many Uighur manuscripts, and in Beziklik, whence they travelled to Kashgar, where the third German Turfan expedition consisting of A. Grünwedel and the Sinologist H. Pohrt arrived in December 1905. The scholars explored Buddhist monuments in Tumshuk, Kumtura, Kizil and Beziklik, visiting also Shikchin, Toyuq, Khara-Khodja and Karashar. In June 1907 the work of the second and third German expeditions was completed.

On 30 November (13 December) 1908 an exhibition displaying the results of the expeditions of M.M. Berezovsky and other explorers was held in the Great Palace of Tsarskoye Selo; its success convinced the government that it was necessary to prepare a large expedition to Eastern Turkestan.¹⁰

By 1909, when the issue of funding the First Russian Turkestan Expedition was resolved, only the results of A. Grünwedel's first expedition to Turfan had been published, whereas the work of A. Stein, A. Le Coq and P. Pelliot was still unknown to the world scholarly community. For that reason S.F. Oldenburg believed that his expedition would be of exploratory nature, for it was "absolutely impossible to decide from St. Petersburg where exactly systematic work should be carried out."¹¹ At the same time, S.F. Oldenburg made serious preparations for the journey, collecting all the available cartographic and illustrative materials. His archive contains some photographs, sketches and maps of the Kucha district and Turfan made by his predecessors in the 1880s—1890s, including a map of "Turfan's pre-

⁹ Le Coq A. *Auf Hellas Spuren in Ostturkistan: Berichte und Abanteuer der II und III Deutschen Turfan-expedition*. Leipzig, 1926. S. 30.

¹⁰ Ольденбург С.Ф. Русские археологические исследования в Восточном Туркестане // *Казанский музейный вестник*. 1921, № 1—2. С. 27.

¹¹ *Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 гг.* / Краткий предварительный отчет. СПб., 1914. С. 5.

⁹ Le Coq, A. *Auf Hellas Spuren in Ostturkistan: Berichte und Abanteuer der II und III Deutschen Turfan-expedition*. Leipzig, 1926, p. 30.

¹⁰ Oldenburg, S.F. "Russian Archaeological Research in Eastern Turkestan." *Kazan Museum Herald*, Nos 1—2 (1921), p. 27.

¹¹ *Russian Turkestan Expedition of 1909—10. Concise Preliminary Report*. SPb., 1914, p. 5.

Безеклик. 1909
Beziklik. 1909

Туюк. 1909
Toyuq. 1909

числе карта «Турфанского приставства», составленная, очевидно, для нужд первой Русской Туркестанской экспедиции по материалам Г.Е. Грумм-Гржимайло, В.И. Роборовского, П.К. Козлова, Д.А. Клеменца¹². С.Ф. Ольденбург лично обратился за консультациями к А. Грюнведелю и П. Пеллио. Очевидно, ему удалось составить общее впечатление о результатах работы предшественников, о чем свидетельствуют архивные материалы: «Собрав богатейший индийский, уйгурский, китайский, иранский материал, обнимающий время примерно с VI—XV вв., экспедиция проф[ессора] А. Грюнведеля все же имела в своей работе ряд пробелов: было снято мало планов, совершенно отсутствует цельное описание пещер, и вследствие незавершенности согласованность отсутствовала, и ряд вопросов оставался открытым»¹³.

В результате был разработан следующий маршрут экспедиции: Карашар—Турфан—Карашар—Корла—Куча—Бай—Аксу—Учтурфан—Калпын—Маралбаши—Кашгар¹⁴. В состав экспедиции, помимо С.Ф. Ольденбурга, вошли этнограф, фотограф, специалист по искусству Средней Азии С.М. Дудин, горный инженер Дмитрий Арсеньевич Смирнов, археолог Владимир Иванович Каменский и его помощник, сотрудник Керченского музея Самсон Петрович Петренко. Поскольку в пути оба археолога заболели и были вынуждены вернуться домой, участия в экспедиции они не принимали.

ecture” evidently drawn for the needs of the First Russian Turkestan Expedition on the basis of the materials of G.E. Grumm-Grzhimaylo, V.I. Roborovsky, P.K. Kozlov and D.A. Klementz.¹² S.F. Oldenburg personally consulted A. Grünwedel and P. Pelliot. Obviously, he was able to form a general impression of his predecessors’ work, as evidenced by this note in his archive: “Prof[essor] A. Grünwedel’s expedition, which collected profuse and valuable Indian, Uighur, Chinese and Iranian materials covering the period from about the 6th to 15th century, had, however, a few weak points in its work: for example, few building plans were drawn, no overall description of the caves was made and as a result of incompleteness, there was lack of consistency, so a number of issues remained unresolved.”¹³

Eventually the following itinerary was worked out for the expedition: Karashar—Turfan—Karashar—Korla—Kucha—Bai—Aksu—Uch-Turfan—Kalpin—Maralbashi—Kashgar.¹⁴ Besides S.F. Oldenburg, the team consisted of S.M. Dudin, who was an ethnographer, photographer and Middle Asian art expert; Dmitry Arsenyevich Smirnov, mining engineer; archaeologist Vladimir Ivanovich Kamensky and his assistant Samson Petrovich Petrenko, a staff member of the Kerch Museum. As both archaeologists fell ill on the way to Turkestan and had to return to Russia, they did not actually participate in the expedition.

¹² ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 1, ед. хр. 178. ◊

¹³ ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 1, ед. хр. 167. Л. 3—4.

¹⁴ Протоколы РКСА. СПб., 1909. Протокол № 3. 22 сентября, § 49. С. 4.

¹² PBA RAS. Fond 208. Inv. 1, unit 178.

¹³ PBA RAS. Fond 208. Inv. 1, unit 167, ff. 3—4.

¹⁴ Minutes of the RCMA. SPb., 1909. Minute No 3. 22 September, § 49, p. 4.

Экспедиция выехала из Санкт-Петербурга 6 (19) июня 1909 г. До Омска доехали по железной дороге. Послеплыли пароходом до Семипалатинска, где получили заранее отправленное посылками снаряжение. В Чугучак прибыли 22 июня на тарантасах, там закупили лошадей и дополнительное снаряжение, а также наняли переводчика Босука Темировича Хохо. 29 июня (12 июля) экспедиция прибыла в Урумчи, где встретила радушный прием консула Н.Н. Кроткова, который был знатоком древностей края и сам проводил раскопки в Турфане (Туюк-мазар) и в окрестностях Урумчи (Уланбай)¹⁵. 4 (17) августа С.Ф. Ольденбург, С.М. Дудин и Д.А. Смирнов в сопровождении Б.Т. Хохо, двух казаков из консульского конвоя, Романова и Силантьева, повара Захари и конюха Бисамбая отправились из Урумчи в Карашар по дороге через Токсун¹⁶. Сначала экспедиция обследовала городище Уланбай, был снят его общий план и сделаны фотографии. Кратко были осмотрены городище и буддийские храмы в Ушактале, а также ступы и постройки неизвестного назначения за местечком Тибельгу. Из Карашара экспедиция направилась в селение Дензиль, где С.Ф. Ольденбург впервые столкнулся с последствиями работы экспедиции Лекока. В письме Н.Н. Кроткову от 22 августа (4 сентября) 1909 г. он написал: «Это грабительство, очень ловкое, очень умное, но не научная работа, а грабительство»¹⁷.

Затем экспедиция проследовала в Карашар, в окрестностях которого около Шикшина подробно изучила два памятника: развалины буддийского монастыря Минуй и пещерный храмовый комплекс. Работа в Шикшине продолжалась с 28 августа (10 сентября) по 20 сентября (3 октября). Д.А. Смирнов снял общие планы обоих памятников, планы и разрезы зданий и отдельных пещер, С.М. Дудин выполнил множество фотографий, С.Ф. Ольденбург руководил работой и проводил археологические раскопки. В Шикшине были найдены произведения живописи и скульптуры, формы для изготовления скульптур. Скульптура буддийских храмов Восточного Туркестана изготовлялась по единой технологии штампования фигур из глины: грубо слепленный торс, основой которого были крестообразно связанные палки, обмотанные жгутами из соломы и камыша, помещался в форму, состоящую из двух разъемных частей. В Шикшине экспедицией были обнаружены две каменные статуи и куски статуй из известковой массы¹⁸. В одном из помещений они обнаружили остатки статуи лежащего Будды. Обнаруженные Д.А. Смирновым (в здании К 9е) фрески «удивительной свежести, крайне интересные по письму» были сняты из-за

The expedition left St. Petersburg on 6 (19) June 1909. They travelled up to Omsk by train. Then they went by steamboat to Semipalatinsk, where they received the equipment they had mailed there. The expedition arrived in Chuguchak on 22 June, in carts; they bought horses and additional equipment there and hired an interpreter, Bosuk Temirovich Khokho. On 29 June (12 July), the expedition arrived in Urumqi, where it was hospitably received by the Consul N.N. Krotkov, who was a connoisseur of the region's antiquities and had himself conducted some digging in Turfan (Toyuq-Mazar) and in the vicinity of Urumqi (Ulanbai).¹⁵ On 4 (17) August, S.F. Oldenburg, S.M. Dudin and D.A. Smirnov, accompanied by B.T. Khokho, two Cossacks from the consular convoy (Romanov and Silant'yev), cook Zakhari and carter Bisambai, made way from Urumqi to Karashar via Toksun.¹⁶ At first the expedition studied the Ulanbai site, by drawing its plan and taking pictures of it. Then they made a brief survey of the ancient settlement and Buddhist temples in Uch-Aktala, as well as the *stupas* and structures for unclear purposes beyond Tibelgu. From Karashar the expedition moved on to Denzil, the settlement, where S.F. Oldenburg first saw the consequences of the work done by Le Coq's expedition. In his letter to N.N. Krotkov dated 22 August (4 September) 1909, he wrote this: "It is sheer robbery, clever, ingenious, but robbery all the same — not scholarly research."¹⁷

After that the expedition proceeded to Karashar and in its vicinities, near Shikchin, they thoroughly studied two monuments: the ruins of the Buddhist monastery Minui and the cave temple complex. Works in Shikchin continued from 28 August (10 September) to 20 September (3 October). D.A. Smirnov produced general plans of both monuments, as well as plans and sections of the buildings and some of the caves; S.M. Dudin took numerous photographs; S.F. Oldenburg supervised the work and carried out archaeological excavations. Finds from Shikchin comprised paintings, sculptures and moulds used for casting sculpture. Statues in the Buddhist temples of Eastern Turkestan were made by a uniform method of stamping figures out of clay: the roughly modelled clay effigy, with the armature of crossed tied sticks wound with strips of straw and reed, would be placed into a mould consisting of two detachable parts. In Shikchin the expedition found two stone statues and fragments of figures made of limestone mass.¹⁸ In one of the buildings they found fragments of a statue representing the reclining Buddha. D.A. Smirnov found (in building K 9e) some frescoes notable for their "extraordinary freshness and unusual painterly manner"; they were dismantled because

¹⁵ ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 1, ед. хр. 186. Л. 30—31.

¹⁶ Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 гг. *Указ. соч.* С. 2.

¹⁷ АВ ИВР РАН. Ф.32. Оп. 2, ед. хр. 9. Л. 8.

¹⁸ Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 гг. *Указ. соч.* С. 8.

¹⁵ PBA RAS. Fond 208. Inv. 1, unit 186, ff. 30—31.

¹⁶ *Russian Turkestan Expedition of 1909—1910...*, p. 2.

¹⁷ АО ИОМ РАН. Fond 32. Inv. 2, unit 9, f. 8.

¹⁸ *Russian Turkestan Expedition of 1909—1910...*, p. 8.

Яр-Хото. 1909

Yar-Khoto. 1909

в ненадежном состоянии раскрытых раскопкой стен и затем оставлены в Санкт-Петербурге¹⁹.

Экспедиция обследовала также храмовый комплекс, лежащий к северо-западу от Минуя. В одиннадцати пещерах были проведены раскопки. Особое внимание С.Ф. Ольденбург обратил на санскритские надписи черным по белому на *хароштин*, а также на изображения донаторов.

29 сентября (12 октября) 1909 г. экспедиция прибыла в Турфан и начала работу в Яр-Хото (Конешари). Здесь был расчищен небольшой храм, обнаружено много обрывков китайских и уйгурских рукописей, памятников живописи на холсте, пьедестал статуи с росписью по бокам, а также любопытное сооружение 101 *чайтя* на общем постаменте»²⁰. За три дня работы было отснято 105 фотографий, выполнены планы и описание некоторых сооружений²¹. Затем экспедиция осмотрела памятники Учтурфана и отпра-

of the unreliable condition of the walls uncovered by the digging and later brought to St. Petersburg.¹⁹

The expedition studied also the temple complex lying north-west of Minui. Excavations took place in eleven caves there. S.F. Oldenburg paid particular attention to the discovered inscriptions in black over white written in Sanskrit in the Kharoṣṭhī script, as well as to the representations of the donors.

On 29 September (12 October) 1909, the expedition arrived in Turfan and started work in Yar-Khoto (Koneshari). A small temple was unearthed there, and many manuscripts in Chinese and Uighur were found, as well as paintings on canvas, a statue pedestal with inscriptions on its sides and “a curious structure made of 101 *chaitya* on a common pedestal.”²⁰ Over three workdays, 105 photographs were taken, plans of some structures were drawn and their descriptions written.²¹

¹⁹ Там же. С. 9.

²⁰ Там же. С. 23.

²¹ Туманова О.А. Городище Яр-Хото (Цзяохэ) // Труды Государственного Эрмитажа. Вып. 27. Л., 1989. С. 15–56.

¹⁹ *Ibid.*, p. 9.

²⁰ *Ibid.*, p. 23.

²¹ Tumanova, O.A. “The Yar-Khoto (Jiaohe) Site.” *Transactions of the State Hermitage Museum*. Issue 27. L., 1989, pp.15–56.

Фрагменты рукописей из Сэнгима.

Бумага, тушь.

1) 8,5×5,5 см; 2) 6,8×5 см;
3) 2,5×6,5 см; 4) 10×12,7 см

ИБР РАН, SI 05

Fragments of manuscripts from Sängim.

Indian ink on paper.

1) 8.5×5.5 cm; 2) 6.8×5 cm;
3) 2.5×6.5 cm; 4) 10×12.7 cm

IOM RAS, SI 05

Конверты с рукописями,
доставленными
первой Русской Туркестанской
экспедицией
Бумага, чернила.
ИБР РАН, SI 02, SI 05,
SI 06, SI 012

Envelopes with the manuscripts
brought by the First Russian
Turkestan Expedition
Ink on paper.
IOM RAS, SI 02, SI 05,
SI 06, SI 012

вилась в Идикут-шари, где была произведена расчистка некоторых зданий. Экспедиция обследовала здесь постройки, аналогичные по стилю с памятниками Яр-Хото: группу чайтья и монастырь в юго-западной части города. С.М. Дудиным были сняты кальки уцелевших орнаментов. Не имея достаточно времени для подробного обследования памятника, С.Ф. Ольденбург пришел к выводу о необходимости проведения здесь в будущем планомерных комплексных раскопок и снятия полного плана городища²². О работе экспедиции Лекока он так написал в своих заметках: «Специально музейные цели, отсутствие специальной подготовки. Нет съемки, ограниченная фотография. Кучар, Турфан, Ками, Тумшук. Характерно при том, что он не знает, что именно сделано французами»²³. Работу П. Пеллио С.Ф. Ольденбург оценивал иначе: «Топограф, фотограф. Планы и карты. Раскопки планомерные. Тумшук, Кучарский округ. К сожалению, еще ничего из этого не опубликовано, не ушло на литературную часть. Дуньхуанская находка»²⁴.

Первой Русской Туркестанской экспедицией была осмотрена также ступа Тайзан близ Астаны, затем ряд памятников Турфана — Сенгим-огыз, Безеклик, Муртук и Туюк-мазар. Затем экспедиция прибыла в Кучу, в окрестностях которой были проведены работы в Минг-тен-ата, Субаши, Сымсыме, Кызыле и Кумтуре.

Вернувшись в Санкт-Петербург, С.Ф. Ольденбург доложил о результатах экспедиции в РКСА и Восточном отделении РАО. Касаясь дальнейших задач исследования Восточного Туркестана, «докладчик указал на настоятельную необходимость окончательного исследования отдельных мест вместо имевшего до сих пор место экстенсивного исследования»²⁵.

По результатам первой Русской Туркестанской экспедиции С.Ф. Ольденбургом в 1914 г. был опубликован «Краткий отчет». Кроме того, в 1916 г. С.М. Дудин опубликовал несколько статей, посвященных архитектуре древних памятников Турфана, главным образом Шикшина, Яр-Хото и Идикут-шари²⁶. В 1916 г. эти статьи вышли отдельной книжкой²⁷. Подробный отчет о трудах экспедиции 1909—1910 гг. так и не был подготовлен (общий объем его составил шесть тетрадей, приблизительно около 30 печатных

After that the expedition examined the monuments of Uch-Turfan and went to Idiqutshari, where they cleared some buildings of the soil. The expedition mainly studied there structures stylistically similar to the monuments of Yar-Khoto: the group of *chaityas* and the monastery in the south-west of the town. S.M. Dudin made tracing-paper copies of the extant ornamentation. As Oldenburg did not have enough time for a detailed study of the monument, he came to the conclusion that it was necessary to conduct a systematic all-round excavation here and produce a plan of the entire ancient city.²² Commenting on Le Coq's expedition, Oldenburg wrote this in his notes: "Museum-targeted work, lack of special training. No surveying, photography scarce. Kuchar, Turfan, Hami, Tumshuk. Characteristic, too, that he does not know what exactly has been done by the French."²³ As for P. Pelliot's work, S.F. Oldenburg assessed it differently: "Topographer, photographer. Plans and maps. Digging strictly planned. Tumshuk, the Kuchar district. Unfortunately, none of this has been published yet, taken a literary form. The Dunhuang find."²⁴

The First Russian Turkestan Expedition examined also the Taizan *stupa* near Astana and then a number of Turfan's monuments, including Sängim-ogiz, Beziklik, Murtuk and Toyuq-Mazar. After that the expedition arrived in Kucha, in the vicinity of which they carried out work at Ming-ten-ata, Subashi, Simsim, Kizil and Kumtura.

On his return to St. Petersburg, S.F. Oldenburg made a report about the results of the expedition in the RCMA and in the Oriental Department of the Russian Archaeological Society. Touching upon further objectives of the studies of Eastern Turkestan, "the speaker pointed out an urgent need for a concentrated study of selected particular sites instead of the hitherto predominant extensive research."²⁵

The results of the First Turkestan Expedition were summed up by S.F. Oldenburg in 1914 in the then published *Concise Report*. Also, in 1916, S.M. Dudin published several articles devoted to the architectural monuments of Turfan, mainly to Shikchin, Yar-Khoto and Idiqutshari.²⁶ In 1916 the articles were printed as one book.²⁷ No detailed report about the work of the expedition of 1909–10 (its total volume made 6 notebooks,

²² Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 гг. *Указ. соч.* С. 29.

²³ ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 1, ед. хр. 186. Л. 38.

²⁴ Там же. Л. 36.

²⁵ Ольденбург С.Ф. Разведочная археологическая экспедиция в Китайский Туркестан в 1909—1910 гг. // ЗВОРАО. Т. 21. 1913. С. 21.

²⁶ Дудин С.М. Архитектурные памятники Китайского Туркестана. (Из путевых записок) // Архитектурно-художественный еженедельник. 1916, № 6, 10, 12, 22, 31.

²⁷ Дудин С.М. Архитектурные памятники Китайского Туркестана (Из путевых записок). Пг., 1916. Перевод на китайский: 杜丁 Дудин С.М. 中國新疆的建築遺址 Чжунго Синьцзян дэ цзяньчжу ичжи. (何文津, 方久忠 譯 Пер. Хэ Вэнь-цзиня, Фан Цзю-чжун). Пекин, 2006.

²² *Russian Turkestan expedition of 1909–1910...*, p. 29.

²³ PBA RAS. Fond 208. Inv. 1, unit 186, f. 38.

²⁴ *Ibid.*, f. 36.

²⁵ Oldenburg, S.F. "Exploratory Archaeological Expedition to Chinese Turkestan in 1909–1910." *POBRAS*. Vol. 21 (1913), p. 21.

²⁶ Dudin, S.M. "Architectural Monuments of Chinese Turkestan (from Travel Notes)." *Architecture- & Art Weekly*. Nos 6, 10, 12, 22, 31 (1916).

²⁷ Dudin, S.M. *Architectural Monuments of Chinese Turkestan (from Travel Notes)*. Petrograd, 1916. Transl. into Chinese: 杜丁 Dudin, S.M. 中國新疆的建築遺址 Zhongguo Xinjiang de jianzhu yizhi. 何文津, 方久忠 譯 Transl. by He Wen-jin, Fang Jiu-zhong. Beijing, 2006).

листов»²⁸). В 1995 г. материалы первой Русской Туркестанской экспедиции по Шикшину были опубликованы Н.В. Дьяконовой²⁹.

Коллекции первой Русской Туркестанской экспедиции, доставленные в Россию, были невелики, поскольку С.Ф. Ольденбург был верен принципу «не трогать на месте памятников, если им не угрожает непосредственное разрушение»³⁰. Первоначально материалы экспедиции были переданы в МАЭ, где они прошли первичную обработку. В 1923 г. Государственный Эрмитаж обратился в Академию наук с просьбой о передаче на хранение этих материалов. Российская Академия наук ответила положительно и постановила для решения этого вопроса избрать комиссию в составе С.Ф. Ольденбурга, В.В. Бартольда, И.Ю. Крачковского, С.М. Дудина и одного представителя МАЭ³¹. По итогам работы комиссии археологические находки первой Русской Туркестанской экспедиции в 1931—1932 гг. были переданы в Эрмитаж, где часть их в 1935 г. была помещена в экспозицию.

Среди материалов первой Русской Туркестанской экспедиции было около ста рукописей. В основном это фрагменты, обнаруженные при раскопках, поэтому они представляют собой небольшие обрывки документов. Некоторые рукописи были приобретены С.Ф. Ольденбургом в Турфане и его окрестностях. Около пятидесяти из них написаны уйгурским письмом на обороте китайских свитков. Есть несколько документов на китайском языке, а также согдийские и санскритские материалы. В основном в коллекции представлены памятники доисламской культуры уйгуров, датируемые IX—X вв. Наибольший интерес вызывают юридические документы — долговые квитанции, записи о купле-продаже земли и виноградников, завещания, записи о податях и налогах и пр. Многие документы содержат печати и *тамги*. В собрании Института восточных рукописей Российской Академии наук в фонде «Вещи, слепки, камни» хранятся продолговатые таблички с текстом на санскрите и несколько на уйгурском языке. Они происходят из Безеклика и представляют собой куски штукатурки с подписями к сценам *пранидхи*. Подписи располагались по вертикали, сверху вниз, в верхней части росписей. Некоторые из этих росписей были увезены немецкими экспедициями в Берлин. Куски штукатурки с подписями были доставлены первой Русской Туркестанской экспедицией в Санкт-Петербург.

approximately 30 printer's sheets”²⁸). In 1995 the materials that concerned Shikchin were published by N.V. Dyakonova.²⁹

The collections of the First Russian Turkestan Expedition brought to Russia were not large because S.F. Oldenburg faithfully observed the principle of “not touching local monuments unless they are in danger of actual destruction.”³⁰ Initially the materials were handed over to the Museum of Anthropology and Ethnography (MAE), where they were preliminarily described. In 1923 the Hermitage Museum asked the Academy of Sciences for the materials to be transferred and kept there. The Academy granted the request and resolved to form a committee to deal with the issue, consisting of S.F. Oldenburg, W.W. Barthold, I.Yu. Kratschkovsky, S.M. Dudin and one representative of the MAE.³¹ In accordance with the committee's recommendations the archaeological finds of the First Russian Turkestan Expedition were handed over, in 1931—32, to the Hermitage, where they were partly included in the permanent displays in 1935.

The materials of the First Russian Turkestan Expedition included about a hundred manuscripts. They are for the most part fragments discovered during the excavations, therefore they are scraps of documents. Some of the manuscripts were purchased by S.F. Oldenburg in Turfan or its vicinities. About fifty of them are written in Uighur script on the reverse of scrolls in Chinese. There are a few documents in Chinese, as well as materials in Sogdian and Sanskrit. The main part of the collection comprises manuscripts of pre-Islamic Uighur culture dating from the 9th to 10th century. Legal documents are particularly interesting; they include bills of debt, records of sale and purchase of land and vineyards, wills, records of duties and taxes, etc. Many of the documents bear seals and *tamga*-stamps. The collection of “Objects, casts and stones” in the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences includes elongated tablets with texts in Sanskrit and a few with legends in Uighur. They come from Beziklik and are pieces of plaster with inscriptions for scenes from *pranidhi*. The inscriptions ran vertically, from top to bottom, in the upper part of the painted scenes. Some of those murals had been taken by the German expedition to Berlin. The pieces of plaster with inscriptions on them were brought by the First Russian Turkestan Expedition to St. Petersburg.

²⁸ ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 1, ед. хр. 167. Л. 4.

²⁹ Дьяконова Н.В. Шикшин. Материалы первой Русской Туркестанской экспедиции академика С.Ф. Ольденбурга. 1909—1910. М., 1995.

³⁰ Щербатской Ф.И. С.Ф. Ольденбург как индианист // Записки ИВ АН СССР. Вып. 4. М.; Л., 1935. С. 27.

³¹ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1-1925, ед. хр. 247. Протокол Отделения исторических наук и филологии от 11 марта 1923 г. Л. 110.

²⁸ PBA RAS. Fond 208. Inv. 1, unit 167, f. 4.

²⁹ Dyakonova, N.V. *Shikshin. Materials of the First Russian Turkestan Expedition of Academician S.F. Oldenburg 1909—1910*. М., 1995.

³⁰ Stcherbatsky, Th.I. “S.F. Oldenburg as Indologist.” *Proceedings of the IOS USSR AS*. Issue 4, М., L., 1935, p. 27.

³¹ PBA RAS. Fond 1. Inv. 1-1925, unit 247. Minute of the Department of History and Philology, 11 March, 1923, f. 110.